

Источники и литература

1. Беляева Г. Г. Декоративные росписи по дереву. Традиционная культура Омского Прииртышья второй половины XIX–XX века. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 124 с.
2. Денисова И. М. Вологодские прялки // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2004. С. 786–839.
3. Живова Л. В. Домовая роспись на Алтае // Этнография Алтайского края. Барнаул, 1994. С. 20–28.
4. Каплан Н. И. Очерки по народному искусству Алтая. М., 1961.
5. Клокова Л. И., Живова Л. В., Дубровская М. В., Куприянова И. В., Корникова Л. В., Паньшина Н. Г. Традиционная культура старожилов Алтая и переселенцев. Аннотированный каталог Залесовского краеведческого музея // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. С. 272–296.
6. Липинская В. А. Русское население Алтайского края (народные традиции в материальной культуре XVIII–XX вв.). М., 1987.
7. Памятники русской традиционной культуры в музеях Солонешенского района. Каталог // Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. материалов / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул, 2004. С. 311–353.
8. Русакова Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск: Наука, сиб. отд-ние АН СССР, 1989. 173 с.
9. Шайхтдинова Н. Х. Тюменские прялки. Тюмень, 1981.
10. Шишкина Н. В. Расписные прялки из с. Староалейское Третьяковского района Алтайского края // Культурология традиционных сообществ. Омск, 2002. С. 109–112.

Е. А. Коляскина

К вопросу о деторождении в первой трети XX в. по материалам Шелаболихинского района

Данная публикация является частью результатов исследований, проводившихся в районах Алтайского края, и носит характер предварительных замечаний, основанных на полевом материале, собранном в Шелаболихинском районе.

Большое количество детей в семьях как старожилов, так и переселенцев не являлось редкостью: у деда-переселенца М. Г. Волковой было семь сыновей, у ее матери, челдонки по происхождению, родилось девять детей; в семье воронежской переселенки В. В. Конновой было восемь детей; и этот список можно продолжать до бесконечности. По воспоминаниям сибирячки Т. М. Ворсиной, 1929 г. р., проживавшей в с. Иня, «жило в округе столько домов, и меньше пяти не было ребятишек».

Высокое чадородие было сопряжено с большой детской смертностью: по воспоминаниям М. Г. Волковой, у ее матери родилось девять детей, из которых до взрослого состояния дожили двое, остальные «померли»; мать А. П. Пановой родила одиннадцать детей, «а осталось в живых трое»; подобную ситуацию в своей семье описала и В. В. Коннова: мать

родила восемь детей, «но они помирали маленькие»; у матери Е. Д. Карповой детей «много было, но они маленькие умирали», выросли только четверо; можно привести множество подобных примеров. Нужно отметить, что данная ситуация была типична не только для селений Шелаболихинского района, но и в целом для Алтая и России.

Женщины рожали на протяжении всего репродуктивного периода, рождение ребенка около и после сорока лет было достаточно распространенным явлением. Так, мать М. Г. Волковой, 1923 г. р., родила ее на тридцать девятом году. Довольно часто встречаются рассказы об одновременном рождении ребенка дочерью и матерью или снохой и свекровью. Например, по рассказу З. И. Шишкиной, «у маме родился мальчик, а у свекровки дочь последняя, Валентина».

По народным представлениям, женский организм содержал определенный «запас» детей, которых женщина в течение репродуктивного периода носила в себе и производила на свет. Об этом свидетельствует терминология аборта или преждевременных родов: «скинула ребенка». Одна из информаторов отметила: «Рожали всех, сколько было... Рожали-то, пока менструация идет» (Коннова В. В., 1930 г. р., воронежская переселенка, с. Иня). Представления об определенном «запасе» детей в женском теле подтверждает также и впервые встреченное нами представление, что если женщина сделает аборт, ее не родившиеся дети «сквозь ребер будут выглядывать потом» (Ворсина Т. М., 1929 г. р., старожилка, с. Иня).

Способность к деторождению выступала признаком феминности. Сами роды воспринимались как женская «болезнь»: «Как заболела (начнутся схватки. — Е. К.), и идет эта баушка» (Лиханова Т. А., 1912 г. р., старожилка, с. Шелаболиха).

Символика материнства в народном сознании наделялась магическими свойствами. Нам удалось записать молитву «Сон Пресвятой Богородицы», которая считалась «защитницей» от всех жизненных неурядиц. Как заметила информатор, «я нигде с этой молитвой не боялась, куда ни пойду» (Волкова М. Г., 1923 г. р., челдонка). Вот текст этой молитвы: «Во граде Ирусалиме в большой церкви на престоле спала и почивала Матушка пречиста Пресвятая Богородица, сновиденье видала про своего сына возлюбленного, как бы его жида поймали на горе, на Артепе, над рекой на Иордане, взяли бы ее на муки. Мучили, терзали, плевали, каркали, на три древа распяли, на кедра, на педра, на древо кипарис, и в руки и в ноги гвоздей набивали, белую грудь гужлом пробуждали, в камень пещеры закладывали. На третий день по писанию святому Иисус Христос из гроба воскрес. Идут и поют с Михайлом Архангелем стихи сарасимски, голоса новосиимски, идут и поют во ету соборну, святую,

апостольску церкву. Мати моя, спишь или нет? Сплю и не сплю, но и па-че так лежу, сон мне приснился про своего сына возлюбленного. И начи-нат его надо сначала. Он ей и отвечат: „Взять этот сон, списать этот сон на три книги евангельские, положить этот сон в престол иерусалим-ский, запечатать этот сон тремя крестами, пяти пятаянками. Кто этот сон поймет, да помилует, трижды раз в день прочтет, да отца, мать поч-тет, не будет тот раб, на воде не сгорит, на воде не утонет, суду судом не обсужден и от всякой напасти сохранен“. Спаси меня, Господи, в поле и в доме, спаси меня, Господи, в пути и в дороге, спаси меня Господи от му-жика-веретника, от бабы-веретницы, от девки-волосиницы. Присно, во веки веков, аминь» (Волкова М. Г., 1923 г. р., челдонка). Как видим, текст молитвы весь проникнут символами материнства, одним из которых яв-лялась «Матушка Пречистая Пресвятая Богородица», считавшейся по-кровительницей материнства.

Ограничение репродуктивной способности женщины считалось боль-шим грехом. Аборт в сознании женщин до сих пор ассоциируется если не с грехом, то со смертью, страхом, неминуемым наказанием, лишени-ем женщины в будущем возможности материнства, о чем свидетельству-ют следующие рассказы информаторов: «Боялись Бога... Греха боялись» (Ворсина Т. М., 1929 г. р., старожилка, с. Иня); «Сами абортс делали, но многие стали помирать, боялись» (Коннова В. В., 1930 г. р., воронежская переселенка, с. Иня); «Слышать же было, вот Клава сделала аборт... Она больше не рожала... Ведь абортс раньше, боже сохрани. В Шелаболихе одна ездила, делала аборт, пострадала, но потом ее все же посадили, слы-хоть было, что посадили за аборт» (Пушкарева Е. В., 1931 г. р., сибиряч-ка); «У нас тут одна девка была хороша такая и забеременела. А ее роди-тели притесняли. Он дал ей отравы, выпить в бане и родишь. Она выпи-ла и умерла (Панова А. П., 1918 г. р., челдонка)»; «Умирало много тогда от абортс» (Митрохина А. Т., 1924 г. р., российская переселенка).

К искусственному прерыванию беременности прибегали чаще всего незамужние женщины или неверные жены, «вольны женщины», как на-зывали их на селе, поскольку условием «нормального» деторождения считалось наличие брака между родителями ребенка. Дети, рожденные вне брака, считались незаконнорожденными, в Шелаболинском рай-оне и вообще на Алтае их называли «суразами», «нагульными». Отноше-ние к данному явлению со стороны деревенского общества было нега-тивным: «Суразы были... раньше считали за позор» (Прайдакова Н. И., 1936 г. р., старожилка); «С презрением, даже девка пролетит, все знали... Было, ворота мазали... это при маме было» (Быковская З. И., 1928 г. р., российская переселенка). После коллективизации, с вовлечением жен-

щины в общественное производство, и «порядочные» женщины стали прибегать к абортам, но уже не как к средству скрыть нежелательную беременность, а как к средству регуляции деторождения, применявшемуся женщинами, уже имевшими детей: «Делала и я... ну, конечно, тяжело было работать... А одна (сделала аборт. — Е. К.)... у ей десять детей было» (Митрохина А. Т., 1924 г. р., российская переселенка).

Поскольку деторождение воспринималось как «нормальное женское дело», оно не должно было мешать выполнению женщиной ее обычных хозяйственных обязанностей. Традиционно встречается множество рассказов о работе крестьянок «до последнего». Так, З. И. Шишкина вспомнила историю своей матери: «Мама рассказывала, как меня рожала... белила... тогда утюга-то не было — каток, валеков... Давай все это перестирывать катать вальком, схватки... дошла до соседки». Считалось даже, что активность женщины во время беременности, в том числе и непосредственно в период схваток, способствовала легким родам. «Мама говорит: ходи (между схватками. — Е. К.) по одной плашке (пола. — Е. К.) взад-вперед» (Пушкарева Л. М., 1925 г. р.). «Они, наоборот, говорили, надо помаленьку двигаться, не сидеть» (Карпова Е. Д., 1925 г. р., кержачка).

Хозяйственная активность женщины ограничивалась первое время после родов: «Сырая... шесть недель... тяжело поднимать нельзя» (Леонтьева Н. А., 1931 г. р., полячка); «После родов нельзя тяжело поднимать, сырая (роженица. — Е. К.)». (Карпова Е. Д., 1925 г. р., кержачка). Помочь женщине в таком положении был призван обычай «на зубок». Женщины села, уже имевшие детей и составлявшие одну возрастную группу, приходили к роженице, приносили приготовленную пищу, могли помочь по хозяйству. «Идут, на зубок несут... покушать, у кого че есть. Кто богатый — товару» (Леонтьева Н. А., 1931 г. р., полячка). «Обязательно придут посмотреть ребенка, принесут родихе... Называлось „на зубок принести“» (Шишкина З. И., 1938 г. р.). «„На зубок“ говорили, кто тряпки принесет, кто еду, чтоб после родов поесть» (Чернодарова Л. Ф., 1923 г. р., старожилка). «Роженице поисть... на зубок» (Карпова Е. Д., 1925 г. р., кержачка).

Е. К. Лейбова

Методика работы с устными историческими источниками при изучении школьниками темы переселения их семей в Сибирь

Устная история — актуальное направление в методологии XX–XXI вв. Главной ее отличительной особенностью является реконструкция исторических сюжетов на основе устных источников, все многообразие которых можно разделить на три группы: 1) отражающие индивидуальную